

Федоров- Давыдов Алексей Александрович

Русские народные сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Д13

Д13 **Давыдов Алексей Александрович Ф.**
Русские народные сказки / Федоров- Давыдов Алексей Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 291 с.

ISBN 978-5-519-78821-2

ISBN 978-5-519-78821-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вами, изъ живого своеобразнаго, самобытнаго характера мы искусственнымъ способомъ хотимъ сдѣлать изъ человѣка манекенъ, автоматическій счетчикъ, тупицу, способнаго интересоваться только узкимъ эгоистическимъ кругомъ, создавшимся передъ его глазами. Интересно знать, на что бы могъ быть пригоденъ такого рода эгоистичный тупица,—этотъ бичъ общественной жизни и творческой дѣятельности человѣческаго генія!..

* * *

Нѣтъ, сказочный міръ чарующей прелестью своей первый формируетъ психическую жизнь молодого организма: въ наивныхъ образахъ, крупными штрихами, въ широкомъ масштабѣ времени и мѣста (за тридевять земель, въ старопрежніе годы и т. п.), обрисовываетъ первыя понятія о добромъ и зломъ началахъ и преимуществахъ перваго передъ вторымъ; сказка вырисовываетъ общій крупный типъ своихъ героэвъ, которые развиваютъ передъ слушателями ея дуалистическую несложную теорію. Она смѣло открываетъ передъ глазами ребенка чудныя картины родной природы и помощью своего поэтического творчества сближаетъ природу съ человѣкомъ, котораго научаетъ любить ее, всемъ сердцемъ. Заставляя животныхъ говорить и дѣйствовать разумно въ пользу героя или во вредъ, сказка незамѣтно внушаетъ ребенку симпатію или антипатію къ тому или иному животному, тѣмъ самымъ научая его опасаться хищника и шадить слабого и беззащитнаго звѣрка.

Сказка одухотворена фантазіей. А что же помимо фантазіи дало человѣческой мысли толчки къ пробужденію и развитію? Развѣ не фантазія помогла человѣку создать культъ божества? Развѣ не фантазія наталкивала человѣка на изобрѣтенія и открытія? Не фантазія развѣ, казавшаяся въ то время безуміемъ, дала возможность Галилею постигнуть истину вращенія земли, а Колумбу—отправиться въ невѣдомое плаваніе?

Помимо чисто-общественнаго значенія своего, сказка создаетъ въ молодомъ организмѣ и основы гражданской жизни человѣка. Она

возсоздаетъ предъ его глазами идеаль семьи и ужасъ семь раздробленной, изъ которой она уводитъ своего героя для возсозданія имъ новой своей семьи на основахъ истиннаго счастья.

Но главное, что даетъ намъ наша родная сѣмобытная сказка, это—сохраненіе въ цѣльности роднаго языка, картину бытовой минувшей жизни, фізіономію нашего народа, его обычаи, привычки, вѣрованія и, словомъ, русскій духъ, который одинъ только хранить, въ свою очередь, единство отдѣльныхъ личностей, который одинъ объединяетъ всѣхъ насъ и даетъ намъ силу любить и цѣнить все свое родное. А безъ этого не можетъ быть ни страны ни народа. Отнимать сказку у дѣтей—это преступленіе, это нравственное убійство въ человѣкѣ задатковъ того, что отличаетъ его отъ животнаго. Такой взглядъ на сказку прежде всего указываетъ на полное непониманіе дѣтскаго міросозерцанія и дѣтской души. Оно доказываетъ только, что и сами такіе „реформаторы“ не имѣли своего дѣтства и, лишеныя этого счастья жизни, ошупью бродягъ вокругъ да около, преслѣдуя то, чего сами не знаютъ и не могутъ понять, не испытавъ чего-либо подобнаго...

Сказка возникла вполнѣ естественно, а истреблять естественное—это все равно, что подпиливать сукъ, на которомъ сидишь. Какъ бы ни бились господа Молчалины, но живую жизнь они не увидятъ шествующей планомѣрно по ихъ собственному узко-колейному пути, съ шорами на глазахъ. Характеры разнообразны; образованіе ихъ — въ зависимости отъ сотни тысячъ случайностей внѣшняго и внутренняго развитія организма. Богатство этнографическаго матеріала, пѣсенъ, былинъ, сказокъ, преданій, суевѣрій во всей широтѣ показываетъ цѣльность, вдумчивость и глубокое чувство народа, обладающаго этими сокровищами. Въ этомъ отражается вся духовная жизнь народа, который не удовлетворялся одной матеріальной жизнью, который не шарилъ только носомъ по землѣ въ поискахъ за пищей и за удовлетвореніемъ своихъ физическихъ потребностей, но нерѣдко смотрѣлъ и на небо, которое отражалось и прочно запечатлѣвалось въ его сердцѣ. Какъ хорошо и цѣльно доказываетъ этнографическое богатство благодарное отношеніе человѣка къ своей землѣ, которая воспитала его и дала ему средство къ пропитанію!.. Человѣкъ умираетъ, но оставляетъ своему

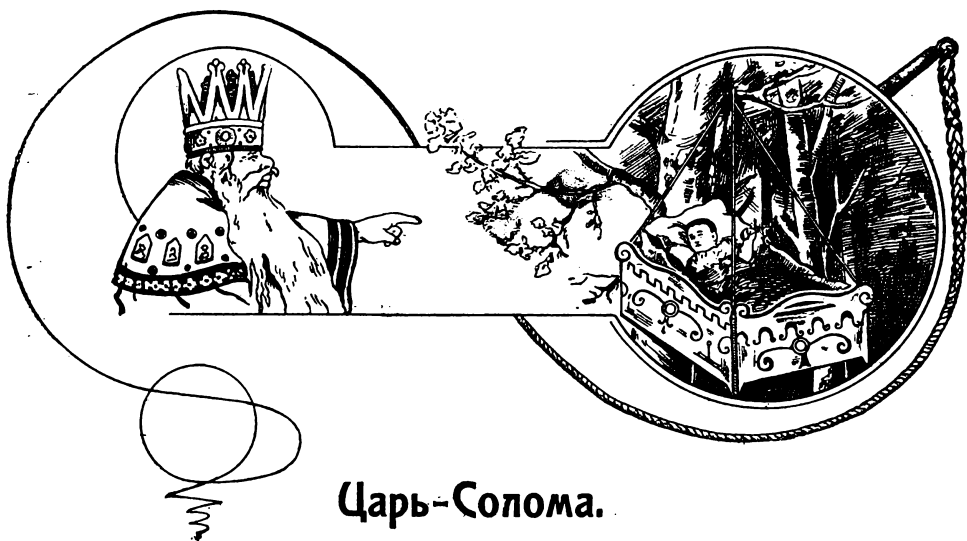
потомству святой завѣтъ хранить свою родину, которую создалъ онъ и закрѣпилъ за собой. Вся исторія русскаго народа отражается въ этихъ пережиткахъ прошлаго для всякаго вдумчиваго наблюдателя.

Важнѣйшіе періоды въ жизни народа, вліявшіе на его общественную жизнь, на его развитіе, на складъ ума и характера,—татарщина, царская власть, крѣпостное право—все это наложило глубокіе, неизгладимые слѣды на духовную жизнь русскаго народа, отпечатлѣлось цѣликомъ на его взглядахъ на жизнь и на окружающую природу и на его характеръ.

Сначала—времена язычества и первыхъ шаговъ христіанства—вольная жизнь, — бодрость и смѣлость во взглядахъ; потомъ скорбь, заунывность напѣвовъ пѣсенъ; затѣмъ униженіе, холопство, трогательное до слезъ, какъ неисходное горе, какъ глубокое убѣжденіе въ неизбежности своей судьбы.

Всѣ эти разнородные періоды русской жизни только показываютъ всю широту русской натуры, ея живучесть и всю разносторонность русскаго духа. И, несмотря на какія намѣренно созданныя рамки, несмотря на упорныя попытки то онѣмеченія, то ополяченія русскаго народа, могучая воля его, сила народнаго духа преодолѣла эти упорныя попытки и сохранила вѣчно-юную и сильную Русь, народную Русь, Русь лапотника-землепашца... И эту силу, эту самобытность не сломитъ никогда вторженіе иноземщины, которая должна будетъ только отдать лучшее Русси для того, чтобы она все переработала по-своему, все примѣнила къ своей самобытности, все повернула бы на свой салтыкъ.

А. Ө.-Д.

Царь-Солома.

илъ-былъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ неизвѣстномъ государствѣ царь, мудрый, жизни примѣрной и грамотный.

Жилось народу хорошо, и царю тоже; но только самъ царь очень тосковалъ, что у него дѣтей не было. И послалъ ему, наконецъ, Богъ сына на радость, да такого пригожаго, такого умнаго, что всѣ диву давались на него. Обрадовался царь, а чтобъ сыну здоровья придать, указалъ онъ повѣсить люльку въ саду царскомъ, на вольномъ воздухѣ, на вѣтру, чтобы царевичъ силы набирался, крѣпчалъ, чтобъ его вѣтромъ перелетнымъ обвѣяло, солнцемъ обрумянило.

А жилъ возлѣ царскаго терема кузнецъ, у котораго о ту пору тоже сыночекъ родился. Вотъ и стала нечистая сила кузнеца смущать:

— „Смѣни да смѣни своего сына на царевича: твой сыночекъ и будетъ царемъ, какъ вырастетъ“.

Послушался кузнецъ нечистой силы, обернулъ сынка въ чистыя тряпки, отнесъ его въ царскій садъ, вынулъ изъ люльки царевича, обернулъ его тряпичкой поплоче, а своего сына положилъ на его мѣсто въ золоченую люльку подъ парчевое одѣяло; потомъ пошелъ да царевича малаго на солому на задворкахъ бросилъ и ушелъ во-свояси.

Проходилъ о ту пору мимо дворца царскаго пастухъ, услыхалъ— дитя плачетъ, а солома-то у забора словно сама собой шевелится. Подивился пастухъ на то, подошелъ поближе, раскопалъ солому, смотрить, а тамъ дитя барахтается, плачетъ-разливается и ручонками размахиваетъ. Пожалѣлъ пастухъ ребенка.

„Семъ-ка,—думаетъ,—возьму я его къ себѣ. Незамай, у меня вырастетъ, хлѣба и про него у меня хватить... А парень, поди, цѣпкій будетъ, ишь какъ ручонками-то за меня цѣпляется!“ Взялъ онъ ребенка и снесъ къ себѣ.

Ну, хорошо. Растетъ сынъ кузнечій у царя въ палатахъ: живетъ, растетъ и царевичъ у пастуха. Никто ничего диковиннаго не примѣчаетъ, только самъ царь недоумѣваетъ:

— Это,—говорить,—не мой сынъ. Это подмѣненышъ, потому онъ и говорить-то по-царски не умѣетъ! Все-то онъ по-своему хочетъ!..

И точно, станетъ царь царевичу про законы толковать, а царевичъ про желѣзо рѣчь ведетъ. Скажетъ царь, что-де „надо бы тамъ-то и тамъ-то стражу для надзора поставить“. А подмѣненышъ ему свое въ отвѣтъ:

— Нѣтъ,—говорить,—лучше намъ кузницу поставить, дѣло-то вѣрнѣе будетъ!..

Какъ же тутъ царю не догадаться, что не царевичъ это, а подмѣненышъ? Кузнечій сынъ по-своему и рѣчь ведетъ!

Вотъ поѣхалъ какъ-то царь на охоту и свиту свою съ собой взялъ. Ъздили-ѡздили по лѣсу; стало дѣло къ ночи близиться, царь и остановился для ночевки, а свита его по лѣснымъ тропамъ поѣхала дичину выслѣживать, да и заблудилась ночнымъ временемъ въ лѣсной тущобѣ. Вотъ они ѡздили-ѡздили, плутали по лѣсу, плутали и добрались до какой-то рѣчущки. Смотрятъ, а возлѣ рѣчущки на угорышкѣ пастухъ сидитъ, стадо пасетъ.

Вотъ они и спрашиваютъ его:

— Добрый человѣкъ, скажи, не утай: какъ твое имя? Много ль головъ въ стадѣ у тебя? Глубока ли тутъ рѣчка въ бродъ?..

А пастухъ имъ кряду и отвѣтъ даетъ:

— Триста. Матвѣй Бродъ по колѣно!.

Царскіе люди диву дались: это что жъ за смѣтливый пастухъ такой!.. Однако захотѣли сбить его съ толку, указали ему на колымагу свою золоченую и спрашиваютъ:

— Отгадай, добрый человѣкъ, что дороже всего на свѣтѣ?

Такъ и думали царскіе люди, что позарится мужичонко на золотую колымагу, которой онъ, само собой, отродясь не видалъ, тутъ они его на-смѣхъ и поднимутъ. Да не тутъ-то было: вынулъ пастухъ ломоть хлѣба съ солью изъ кошелки и говоритъ:

— Вотъ,—говоритъ,—что на свѣтѣ дороже всего! Такъ-то.

Почесали затылки царскіе люди и говорятъ между собой:

— Зубастый парень... Съ нимъ тягаться—не выходить дѣло!..

Ну, разспросили они потомъ у пастуха про дорогу и поѣхали къ царю назадъ. Пріѣзжаютъ къ нему; такъ и такъ, говорятъ, вотъ что видѣли мы и слышали; мудреный пастухъ!..

И догадался тутъ царь, что не пастухъ это былъ, а его сынъ, котораго подмѣнили. Сѣлъ онъ на коня, поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ его свита пастуха встрѣтила, а того ~~уже~~ простылъ.

Той порой умерла у царя царица, ~~онъ~~ и женился на другой.

И случилось какъ-то царю изъ царскаго города по дѣламъ уѣхать въ другой уѣздъ. А молодая царица о ту пору съ другимъ, невѣрнымъ царемъ сговорилась, какъ бы имъ царя извести да на мѣсто его самимъ всѣмъ царствомъ завладѣть. Ну, это они толкуютъ между собой, а той порой и провѣдалъ о томъ царевичъ-пастухъ; созвалъ онъ товарищей и говоритъ имъ:

— Вотъ что, ребята! Соберемъ-ка мы войско ратное и выберемъ себѣ своего царя. А кого выбрать, жеребья кидать мы не будемъ, а выйдемъ на болото, и какъ станутъ квакуши квакать,—пусть каждый изъ насъ крикнетъ имъ, чтобъ онѣ замолчали. И кого изъ насъ квакуши послушаютъ, пусть тотъ и царемъ будетъ надъ нами.

Вотъ они такъ и сдѣлали. Вышли на болото, стали другъ за дружкой на квакушъ кричать, чтобы тѣ замолчали, — квакуши и въ усъ не дуютъ, — квакаютъ пуще прежняго. А какъ гаркнулъ на нихъ царевичъ-пастухъ, — квакуши — ни гу-гу. Молчатъ, сидятъ...

Однако никто не согласился пастуха царемъ считать, — мало ли почему квакуши не квакають, — и говорятъ:

— Нѣтъ, братцы, это что... А давайте укажемъ лягушкамъ, чтобъ онѣ снова заквакали!.. Вотъ кого онѣ послушаютъ, — тотъ и впрямь царь между насъ.

Стали они снова кричать, — а квакуши опять никого не слушаются, голоса не подаютъ. А какъ дошелъ чередъ до царевича да гаркнулъ онъ на квакушъ, — такъ все болото заквакало, хоть уши затыкай.

— Ну, — говорятъ царевичу, — видно, такъ и надо, чтобъ быть тебѣ царемъ надъ нами!..

Вотъ и сталъ царевичъ-пастухъ самымъ заправскимъ царемъ, сталъ указы писать, распоряженія давать; людей своихъ вооружилъ и пошелъ на городъ, въ которомъ царица съ невѣрнымъ царемъ дѣлами правила...

Да измѣнилъ новому царю одинъ воинъ, побѣждалъ передомъ въ городъ, чтобы царицу о бѣдѣ неминуемой предупредить; хорошо, что пастуховы воины его запримѣтили и на бѣгу подстрѣлили. А какъ былъ царскій городъ недалеко, — услыхала царица пальбу, перепугалась и посылаетъ узнать, что, молъ, такое случилось: у нея самой на умѣ недоброе было, такъ она всего и опасалась.

Побѣждалъ посоль, увидалъ человѣка убитаго, вернулся къ царицѣ и повѣдалъ ей о томъ. Она собрала войско и пошла на царевича-пастуха вмѣстѣ съ невѣрнымъ царемъ. Завидѣло ихъ войско пастухово, испугалось, разбѣжалось по лѣсу и схоронилось. А царевича-пастуха схватили и связали. Царевичъ — ничего, только говорить:

— Дозвольте мнѣ, господа, рожокъ съ собой взять, передъ смертью поиграть...

Ну, вотъ, привезли пастуха въ городъ, стали висѣлицу строить, чтобы его вѣшать, а онъ имъ и говоритъ:

— Повѣсьте меня наискось, а для того сдѣлайте вы мнѣ три петли: одну на шею, другую на руку, а третью на ногу!..

— Что жъ, — говорятъ, — это ничего. Пускай его и такъ повиситъ. И сдѣлали для пастуха три петли.

Поднялся царевичъ на лѣстницу, чтобы до петель достать:

— Дозвольте,—говорить,—въ рожокъ поиграть!..

— Что жъ,—говорять,—ничего, можно; поиграй!..

Вотъ онъ и затрубилъ въ рожокъ въ первый разъ,—глядь изъ лѣсу рать его выбѣжала; онъ во второй разъ затрубилъ,—они на коней сѣли; въ третій разъ затрубилъ,—бросилась его рать къ палатамъ царскимъ, схватили царя невѣрнаго и повѣсили его на первой петлѣ; царицу—на другой петлѣ, а въ третью стали совать того, кто эти самыя петли налаживалъ. А налаживалъ-то ихъ тотъ самый кузнецъ, который царевича своимъ сыномъ подмѣнилъ. Ну, тутъ онъ при всемъ честномъ народѣ въ своемъ грѣхѣ и покаялся...

Вотъ мало спустя пріѣзжаетъ домой самъ старый царь.

Узналъ онъ, что безъ него произошло, обрадовался онъ, что сынъ-то его настоящій объявился, да что такой онъ смысленный и дѣльный,—передалъ ему все царство, а самъ въ отставку вышелъ.

Ну, и сталъ новый царь царствовать, дѣла рѣшать, да все загадками, куда мудренѣе стараго царя. И прозвалъ онъ себя царь-Солома, потому что нашелъ его пастухъ на соломѣ.

Пришло время, и умеръ царь-Солома и попалъ въ адъ. Какъ воскресъ Христосъ да сошелъ въ адъ, чтобы хорошихъ людей изъ ада вывести, увидалъ Онъ въ аду, въ гееннѣ огненной, царя-Солому и говорить ему:

— Ты здѣсь зачѣмъ? Чай, ты и хитрый, и мудрый былъ!..

А царь-Солома Ему и отвѣчаетъ:

— А кто же мнѣ мудрость-то далъ? Ты, небось!..

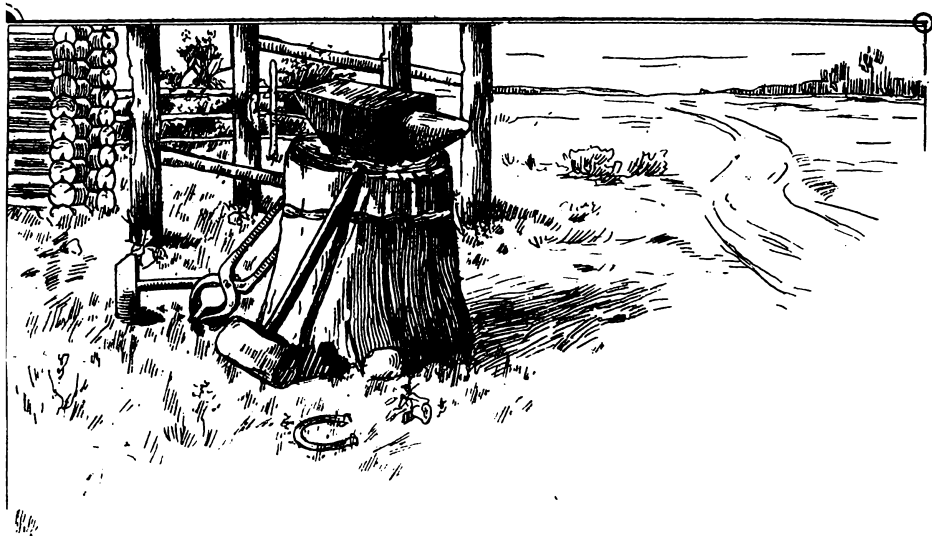
И сказалъ ему тогда Христосъ:

— Иди за Мной!

И вывелъ его Христосъ изъ ада, однако, въ рай его за Собой не повелъ. И остался съ той поры царь-Солома между адомъ и раемъ.

Да, вотъ и хитрый былъ царь Солома, а все не святой. Въ святыя-то выхитрить себя такъ и не могъ!..

Сыроѣдиѣа одноглазая.

иль-быль кузнецъ, и ничего-то онъ на свѣтѣ не боялся.

Ходятъ, ходятъ къ нему люди и все говорятъ, наконецъ:

— Охъ, горюшко!.. Охъ, бѣда!..

Слушалъ ихъ кузнецъ, слушалъ и говоритъ:

— Что такая за бѣда на свѣтѣ?.. Что это я никакой бѣ-
ы не знаю. А ну-ка, пойду я по свѣту бѣлому, поищу эту бѣду,—
вось, найду ее да посмотрю, что это за диво такое?..

Ну, вотъ, собрался онъ въ путь-дорогу и пошелъ, куда глаза гля-
ятъ. Шелъ онъ, шелъ и встрѣчаетъ по дорогѣ швеца.

— Куда идешь, добрый человѣкъ?—спрашиваетъ.

— Да иду, чтобъ на мѣстѣ не стоять!.. А ты куда?..

— Да иду я бѣду свою искать. Что это за диво такое?..

— Ну, ладно, пойдемъ вмѣстѣ съ тобой.